

Значеніе релігійно-нравственныхъ воззрѣній Л. А. Сенеки (философа) съ точки зрѣнія общаго вопроса объ отношеніи къ христіанству язычества вообще и языческой философіи въ частности¹⁾.

Релігійно-нравственныя воззрѣнія Л. Аннея Сенеки — философа (род. въ 1 или 2 г. до Р. Хр.), изложенію которыхъ я посвящаю первую часть своего труда, подлежащаго обсужденію въ настоящемъ собраніи, и языческое, а не христіанское происхожденіе которыхъ доказываю во второй части, въ христіанствѣ всегда пользовались уваженіемъ; съ ними охотно знакомились и ихъ съ большимъ интересомъ изучали; благодаря имъ же Сенеку всегда считали самымъ выдающимся моралистомъ языческой древности и имя его всегда ставили на ряду съ такими великими именами и корифеями классическаго міра, какъ Сократъ, Платонъ, Цицеронъ и др. Правда, нѣкоторые изслѣдователи, введенные въ заблужденіе обстоятельствами жизни Сенеки и существованіемъ подложной „переписки“ римскаго философа съ Ап. Павломъ, съ одной стороны, и сходствомъ многихъ его воззрѣній съ христіанскими, съ другой, и на этихъ основаніяхъ доказывавшіе знакомство Сенеки съ христіанствомъ,

¹⁾ Речь, произнесенная въ конгрегаціонномъ залѣ Кіев. Духовной Академіи предъ защитой магистерской диссортаціи: „Релігійно-нравственныя воззрѣнія Л. А. Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“ (Кіевъ, 1906 г.) 23 мая 1906 года.

нѣсколько уменьшали заслуженную славу римскаго моралиста, но отнять ее у послѣдняго совѣтъ не могли и они. Допуская знакомство Сенеки съ христіанствомъ, защитники этого мнѣнія, какъ бы это не желательно было для нихъ, не могли утверждать, что Сенека *всѣ* свои воззрѣнія позаимствовалъ изъ богооткровенной религіи. При ближайшемъ знакомствѣ съ вопросомъ для нихъ не могло не быть ясно, что и помимо того, въ чемъ можно бы предполагать вліяніе христіанства, у Сенеки не мало возвышеннаго и прекраснаго такого, что можно приписать или его собственной самодѣятельности, или, по крайней мѣрѣ, отнести на счетъ всей суммы плодовъ работы естественнаго ума человѣческаго на вѣковомъ ея протяженіи. Но если такъ, то невольно возникаетъ вопросъ, что собственно служило коренной причиной интереса къ воззрѣніямъ Сенеки, на какой почвѣ возникало уваженіе къ нимъ и удивленіе предъ ними? Очевидно, причиной этой служилъ тотъ особый взглядъ на значеніе язычества вообще и языческой философіи въ частности въ отношеніи къ христіанству, при которомъ все возвышенное и прекрасное, выработанное на языческой почвѣ получало особый смыслъ и цѣнность. Такъ какъ и для меня лично подобный же взглядъ на язычество служилъ исходной точкой, сообщавшей цѣнность моему труду, то на выясненіи его, какъ главнаго мотива, которымъ я руководился при изслѣдованіи своего предмета, я и хотѣлъ бы остановить благожелательное вниманіе своихъ почтенныхъ слушателей.

Вопросъ объ отношеніи къ христіанству язычества, какъ особой формы религіозной жизни, которой въ теченіе тысячелѣтій жила бѣольшая половина человѣчества—вопросъ не новый, а столь-же древень, какъ и само христіанство. Онъ долженъ былъ, естественно, возникнуть съ того самаго момента, какъ только христіанство явилось въ міръ и провозгласило себя новой религіей, которая одна только облагаетъ абсолютной истиной и которой одной только принад-

дежить великое будущее въ исторіи человѣчества. На первыхъ порахъ вопросъ этотъ былъ вопросомъ самой жизни, его необходимость обуславливалась необходимостью того или иного практическаго отношенія къ язычеству, которое тогда еще не только жило рука объ руку съ христіанствомъ, но, хотя уже и одряхлѣвшее, упорно боролось съ божественнымъ свѣтомъ небесной религіи, отстаивая свои права на существованіе и собирая всѣ силы свои, чтобы побѣдить опаснаго врага. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что при жизненности, и, такъ сказать, злободневности вопроса дѣло не обошлось на первыхъ порахъ и безъ увлеченій, которыя всегда мѣшаютъ безпристрастному изслѣдованію вопроса и поддавленнымъ имъ ставятъ верѣдку на ложный путь. Такъ, дѣйствительно, случилось съ тѣми первыми церковными писателями и апологетами христіанства, которые объявили язычество или сплошной ложью и заблужденіемъ („Посланіе къ Диогнету“, Ермій—„Осмѣяніе философовъ“, Татиана—„Рѣчь противъ эллиповъ“ и др.), или если и обладающимъ долей истины, то похитившимъ эти крупицы изъ богооткровенной религіи избраннаго народа (напр., Климентъ Александрійскій и др.). Когда пылъ полемики остылъ, когда вопросъ пересталъ быть злободневнымъ, когда стало ясно, что обезсмысленное борьбой язычество скоро падетъ бездыханнымъ къ подножію Креста Христова, признавъ его спасительную силу, точка зрѣнія на вопросъ должна была сразу же измѣниться. Чѣмъ ближе христіанскіе мыслители знакомились съ лучшими сторонами язычества, чѣмъ глубже проникали они въ его внутренній, сокровенный смыслъ, столь долго затемнявшійся полемическимъ задоромъ, тѣмъ болѣе и болѣе должны были приходиться къ убѣжденію, что въ язычествѣ не все ложь, и не все въ немъ можетъ быть объяснено заимствованіемъ у евреевъ. При безпристрастномъ знакомствѣ съ произведеніями великихъ языческихъ мыслителей не могло не оказаться, что при всей массѣ лжи и неправды, языче-

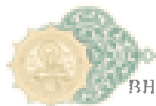
ство имѣло не мало и возвышенно-прекраснаго, такого, что выносило оно въ нѣдрахъ лучшей части своего существа, что выстрадало путемъ тяжелаго процесса исканія истины, путемъ философствованія и чѣмъ оно имѣло полное право гордиться. Выступили на сцену глубокиа религиозно-философскія концепціи величайшихъ „искателей Бога“ древности— Сократа и Платона, обращено было вниманіе на моральныя красоты жизненно-практическихъ сентенцій стоиковъ, и на возвышенный характеръ аскетическихъ упражненій пифагорейцевъ; пайдено возвышенное и чистое ученіе даже въ эпикуреизмѣ. Оказалось, такимъ образомъ, что и у язычниковъ были свои „Моисеи и пророки“, духовнаго богатства которыхъ не подавила тьма языческаго лжеврѣя и суеврѣя, которые не остались глухими къ Откровенію, премудрымъ перстомъ Божиимъ начертанному въ глубинахъ человѣческаго духа и въ безконечно разнообразныхъ явленіяхъ видимой природы. Это „разумное Божіе“ (τὸ γνωστὸν Θεοῦ), (Римл. I, 19), присущее лучшимъ представителямъ язычества, пріобрѣтенное ихъ собственными силами, при болѣе детальномъ знакомствѣ съ ихъ воззрѣніями становилось такъ явно, что у изслѣдователей вопроса объ отношеніи язычества къ христіанству уже и мысли явиться не могло, будто между этими двумя религіями—одно только отношеніе противоположности, какъ между абсолютной ложью и абсолютной истиной. Тогда-то и была вполнѣ постигнута глубокая мысль „апостола языковъ“ объ язычникахъ, „содержащихъ истину въ неправдѣ“ (Римл. I, 18), отпавшихъ отъ Сіона, но и въ своемъ паденіи сохранившихъ крупицы драгоцѣннаго наслѣдія первобытнаго Откровенія. А когда христіанскимъ изслѣдователямъ стала извѣстна высоко-правдивная жизнь многихъ мудрецовъ язычества, тогда была постигнута и другая не менѣ глубокая мысль Апостола Павла о томъ, что язычники, и не имѣя положительнаго закона, все же были въ состояніи „дѣлать законное“ (Римл. II, 15), такъ какъ

въ этомъ для нихъ достаточно было и того закона, который написанъ въ сердцахъ каждаго человѣка и показателемъ котораго является его совѣсть, незримо, но мощно и вѣрно оправдывающая добрые поступки и осуждающая дурные. Руководясь этимъ, живущимъ въ груди каждаго естественнымъ нравственнымъ закономъ, лучшіе люди язычества могли не только сами нравственно жить, но и создавать высокія нормы нравственности для другихъ. Но если не только въ области религіи, но и въ области морали не все язычество оказалось ложью, то, значить, смыслъ его многовѣковой исторіи не отрицательный только: по премудрому плану Божественнаго Домостроительства оно должно было имѣть и прямую, положительную цѣль. Въ чемъ эта цѣль, отвѣтъ на этотъ вопросъ съ христіанской точки зрѣнія найти было не трудно, тѣмъ болѣе, что данныя для его рѣшенія находились и въ самомъ Откровеніи. Если Богъ „не не свидѣтельствована Себе остави“ (Дѣян. XIV, 17) даже язычникамъ, если и на нихъ Онъ простиралъ Свою то милосердную и милующую, то вразумляющую и карающую руку, то, значить, съ отпаденіемъ они все же не были вычеркнуты изъ области Божественнаго Домостроительства. Хотя и иными, чѣмъ богоизбранный народъ, но все же мудрыми путями, Господь велъ ихъ къ Тому же, Кто былъ средоточіемъ всей до-христіанской исторіи и „чашиемъ“ не однихъ только Іудеевъ, но и „всѣхъ языковъ“ (Быт. XLIX, 10), Кто имѣлъ явиться въ міръ только въ „полноту времени“ (Ефес. I, 10), т. е. по прошествіи опредѣленнаго Премудрымъ Промысломъ Божиимъ того круга времени, въ теченіе котораго человечество путемъ историческаго процесса развитія своихъ религіозно-нравственныхъ силъ должно было приготовляться и зрѣть для принятія имѣвшей всему міру открыться Истины. Пусть къ этой цѣли язычество шло не прямо, а образуя круги, дѣлая скачки и повороты назадъ, но что такъ или иначе оно осуществило свою миссію, доказательствомъ тому—исторія. Ко времени пришествія Хри-

ста язычники не только не оказались неподготовленными къ вступленію въ Его царство, а, напротивъ, ихъ изстрадавшиеся въ отчужденіи отъ Бога и въ малоплодныхъ исканіяхъ истины сердце къ Евангельской проповѣди: „покайтесь, ибо приблизилось Царствіе Божіе, отозвалось скорѣе, легче и обильнѣе, чѣмъ сердце тѣхъ жестоковѣрныхъ Сынѣвъ Израиля, которыхъ ослабляла идея „Еврейскаго Мессіи“—и Его Царства, и которые въ страждущемъ „Рабаѣ Иеговы“ не узнали въ предвѣшномъ Совѣтѣ обѣтованное Сѣмя Жены. Значить, и язычники, хотя и безсознательно, ждали Пискупителя міра, томилась жаждой божественной помощи и вполнѣ готовы были принять ее, когда она была имъ возвѣщена.

Но разъ установлена была такая точка зрѣнія на язычество, по крайней мѣрѣ, въ его лучшей части, то отсюда былъ уже недалекій шагъ къ мысли о предсуществованіи христіанства не только въ средѣ богоизбраннаго народа, но и въ средѣ язычниковъ. Эту мысль высказывалъ еще Густинъ Мученикъ въ своихъ рѣчахъ о Логосѣ, Которому „причастенъ былъ весь родъ человѣчскій“, не чужды ея были и другіе церковные писатели и апологеты (напр., Минуцій Феликсъ), но всѣхъ яснѣе выразилъ ее Блаженный Августинъ, когда въ своихъ „Ретракціяхъ“ (I, 13) прямо заявилъ: *res ipsa, quae nunc religio christiana nuncupatur, erat apud antiquos, nec defuit ab initio generis humani, quousque Christus veniret in carnem, unde vera religio, quae jam erat coepit appellari christiana*. Язычество теперь явилось въ совершенно иномъ свѣтѣ и изученіе его лучшихъ сторонъ получало глубочайшій интересъ. Всякое новое открытіе въ области языческой релігіозно нравственной мысли высокихъ идей, всякое новое доказательство нравственной высоты и чистоты лучшихъ представителей язычества являлось желательнымъ, какъ новое подтвержденіе и дальнѣйшее обоснованіе установившейся точки зрѣнія на оставшуюся

внѣ непосредственнаго Откровенія половину челоуѣчества. А такъ какъ лучшими представителями язычества, несомнѣпно, были философы, особенно греческіе и римскіе, въ произведеніяхъ которыхъ всего болѣе было этихъ „языческихъ“ по происхожденію, но „христіанскихъ“ по значенію идей, то, понятно, какой глубокой смыслъ и какую цѣнность получало теперь изученіе этихъ произведеній естественнаго ума челоуѣческаго, отразившихъ правдивую и краснорѣчивую исторію исканія имъ истины. Только изученіе это имѣетъ уже теперь не случайный характеръ, руководится не желаніемъ отыскать у философовъ внутреннія и взаимныя противорѣчія, или заимствованія изъ богооткровенной религіи, съ цѣлію доказать ничтожество язычества, а сопровождается высокой мыслью — указать, какъ, не смотря на духовное обнищаніе языческой массы, не смотря на всѣ темныя стороны язычества, утонавшаго въ безднѣ невѣрія, лжевѣрія и разврата, внутренне разлагавшагося, какъ высоко иногда, не смотря на все это, парила естественная челоуѣческая мысль, руководимая жаждой истины, какъ близко она, выходя изъ отрицанія темныхъ сторонъ язычества, подходила къ христіанству, какъ глубоко постигала нравственную немощь челоуѣчества и его полное безсиліе самостоятельно подняться изъ бездны паденія. И чѣмъ безотраднѣе вырисовывалась картина нравственнаго убожества и религіознаго обнищанія en masse, тѣмъ ярче блестяли на этомъ темномъ фонѣ возвышенныя религіозно-нравственныя воззрѣнія отдельныхъ философовъ и мыслителей, тѣмъ рельефнѣе выдѣлялись ихъ свѣтлыя личности и ихъ нерѣдко высоко-нравственная жизнь. Контрастъ этихъ возвышенныхъ и прекрасныхъ идей и жизни ихъ провозвѣстниковъ съ общей атмосферой язычества былъ такъ великъ, что невольно вызывалъ глубокое чувство изумленія и удивленія претъ той внутренней мощью, какою обладаетъ богоподобный духъ хотя и отпаднаго отъ своего Первообраза

человѣка и предъ ведичіемъ тѣхъ нравственныхъ силъ, какія таятся въ груди каждаго, при какихъ бы неблагопріятныхъ условіяхъ онъ ни жилъ. Вставалъ-ли предъ духовнымъ взоромъ христіанина маститый Сократъ, съ его демономъ, отвращающимъ его отъ зла и влекущимъ къ добру, съ его мудрымъ искусствомъ акушерства при мучительно-медленномъ процессѣ рожденія истины, съ его искреннимъ методическимъ скептицизмомъ, являющимся результатомъ примѣненія къ себѣ самому знаменитаго „*ὑπόθεσις Θεοῦ*“, съ его жестокой борьбой за истину съ легкомысленнымъ врагомъ истины—софистикой, съ его свѣтлой вѣрой и глубокой надеждой на лучшую загробную жизнь, съ его, наконецъ, непостижимой бодростью предъ холоднымъ взоромъ смерти, готовой влиться въ него вмѣстѣ съ чашей яда,—подлежалъ-ли изученію христіанскаго изслѣдователя идеалистически-настроенный Платонъ, не только воспріявшій духовное наслѣдіе своего великаго учителя, но и приумножившій его, Платонъ—съ его высокимъ полетомъ мысли, съ его глубоко-поэтическимъ міросозерцаніемъ, съ его величественно-грандіозными картинами происхожденія міра и міровъ отъ Творца, съ его вѣрой въ Сущее, съ его пронизательнымъ взоромъ въ тайны загробной жизни и судьбы человѣка, завѣсу которой онъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ всѣхъ языческихъ мыслителей приподнялъ, съ его, наконецъ, изумительнымъ пророчествомъ о позорной смерти Праведника, обличающаго своими словами, жизнью и смертью людскую неправду,—выступали-ли со страницъ сочиненій своихъ авторовъ полныя нравственныхъ красотъ моральныя предписанія стойковъ и особенно ново-стойковъ, спускавшихся съ метафизическихъ высотъ въ юдоли жизни и стремившихся каждому поступку человѣка сообщить нравственную цѣнность, проповѣдовавшихъ утопавшему въ нѣгѣ и наслажденіи, потерявшему нравственные устои обществу высокія добродѣтели умѣренности, воздержанія, справедливости и гуманности даже въ обращеніи съ рабами и звавшихъ

къ борьбѣ съ страстями и пороками, и т. д., словомъ, съ кѣмъ изъ творцевъ высокихъ и чистыхъ идей въ области религіи и морали христіанскій изслѣдователь ни знакомился, — въ результатѣ являлась одна мысль: „какія богатая сокровища хранить въ себѣ душа человѣка, эта даже до Христа — христіанка по своему существу, и какъ великъ, премудръ, благъ и милосердъ Тотъ, Кто вдохнулъ ее въ человѣка въ моментъ творенія изъ персти“!

Пусть сокровища эти отыскивались въ душѣ лишь немногими, по сравненію съ общей массой отпадшаго отъ Бога человѣчества, пусть только отдѣльныя личности, какъ бы незримымъ перстомъ Божиимъ отмѣченныя, могли возвышаться надъ тьмой язычества, но какую важную роль играли, какое значеніе имѣли и какъ благодѣтельны были высказываемыя ими высокія идеи въ исторіи развитія религіозно-правственнаго сознанія язычества, можно видѣть изъ характера и направленія философіи въ ближайшій къ Рождеству Христову вѣкъ, когда человѣческая мысль уже прошла, такъ сказать, назначенную ей „полноту время“.

Мы знаемъ, что, обратившись къ эклектизму съ его девизомъ: „что истинно, то должно быть общечеловѣческимъ достояніемъ“, философія выступила тогда въ роли спасительницы расшатанной и потерявшей свои устои общественной нравственности, въ почтенной роли исправительницы, нравственной руководительницы и воспитательницы общественной совѣсти. Изъ кабинета отдѣльныхъ мыслителей она выходитъ теперь на форумъ и устами своихъ провозвѣстниковъ бичуетъ общественные и частные пороки, взываетъ къ поправному человѣческому достоинству, зоветъ къ возрожденію и испѣленію. Что вдохновляло ее на этомъ пути, что давало ей силу противопоставить вежмъ позорнымъ богамъ вѣка высокое нравственное достоинство человѣческой личности и ея высшаго назначенія? Безъ сомнѣнія, то были высокія идеи древнихъ философовъ, тѣ глубокія по своему смыслу ихъ изреченія о Богѣ, мірѣ

и человекѣ, о высшей цѣли человеческого бытія, о конечной участи человеческого духа и т. п., которыя, очевидно, не умерли безплодно, а переходили вмѣстѣ съ ихъ произведеніями изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, способствуя религіозному и нравственному воспитанію язычества. Пусть идеи эти часто были противорѣчивы, пусть онѣ принадлежали представителямъ самыхъ разнообразныхъ людеѣ, пусть, наконецъ, онѣ были только идеями, а не принципами, но оставаться всецѣло безплодными онѣ не могли и, конечно, подъ вліяніемъ громкихъ рѣчей смѣлыхъ обличителей пороковъ и глашатаевъ этихъ высокихъ идей не одна душа встрепенулась и пробудилась отъ нравственной спячки, въ которую погрузилась она подъ воздействиемъ общей безнравственной атмосферы. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы преувеличивать значеніе для язычества „христіанскихъ“ идей до христіанской языческой философіи; но намъ кажется, что если подъ вліяніемъ ихъ многіе изъ язычниковъ хотя только заглядывали въ свою душу и старались осмыслить свою жизнь, понять, въ чемъ-ея ненормальности, то и этого вполне достаточно, чтобы говорить о почтенной роли этихъ высокихъ идей философіи въ до-христіанскомъ мѣрѣ. Вѣдь, въ сущности говоря, кромѣ сознанія ненормальностей общественной и частной жизни, суетности и ничтожности всего языческаго богослужебнаго культа и какъ результата этого сознанія--жажды божественной помощи, религіознаго просвѣщенія и нравственнаго исцѣленія, большаго философія породить ничего и не могла, такъ какъ, въ сущности, она сама не знала ни истинныхъ цѣлей жизни, ни истинныхъ силъ и средствъ къ ихъ достиженію. Доказательствомъ этого можетъ служить уже то, что даже самыя лучшія философскія системы, примыкающія и соприкасающіяся съ эпохой христіанства, на ряду съ „христіанскими“ идеями въ самихъ себѣ заключали не мало и типично-языческаго, христіанству противоположнаго. Но это, по нашему мнѣнію, не только не уменьшало зна-

ченія высокихъ и чистыхъ идей языческой философіи, а, напротивъ, придаетъ имъ еще болѣе болѣе интересъ. Въдѣ, чѣмъ темнѣе ночь, тѣмъ ярче выдѣляются на немъ свѣтлыя точки; чѣмъ мрачнѣе небо, чѣмъ прятнѣе глазу и отрадаѣ душѣ встрѣтить на немъ блестящую звѣзду. А высокія и чистыя идеи языческой философіи и были этими блестящими звѣздами среди мрака языческой ночи. Пусть иногда они свѣтили тускло и мерцали слабо, но все же они были надежными путеводителями для заблудившейся во тьмѣ половина рода человеческого, поддерживая въ уставшихъ отъ поисковъ истины язычникахъ надежду, что скоро, скоро ночь пройдетъ и наступитъ свѣтлый день, возсіяетъ „вечерній свѣтъ.“ Царствія Искушителя и Божественнаго Учителя міра ¹⁾).

Вотъ тѣ главныя мысли, которыя являются общими предпосылками, легшими въ основу моего труда и освѣщающими и тѣ мотивы, которыми руководился я при изложеніи религіозно-правственныхъ воззрѣній великаго римскаго моралиста, и тѣ цѣли, которыя при этомъ я преслѣдовалъ. Каковы были эти мотивы и цѣли, теперь, послѣ всего сказаннаго о значеніе „христіанскихъ“ идей до христіанской языческой философіи вообще и соприкасающагося съ христіанствомъ эклектизма, въ частности, указать уже не трудно. Если религіозно-правственныя воззрѣнія вообще греческихъ и римскихъ философовъ заслуживаютъ того, чтобы изученію ихъ и знакомству съ ними посвящались спеціальныя сочиненія, то тѣмъ болѣе должны этого заслуживать религіозно-правственныя воззрѣнія Сенеки, которого, по справедливости, называютъ выдающимся моралистомъ древности. Если для насъ вообще важно и представляетъ глубокій интересъ все, что сказано

¹⁾ Вспомнимъ здѣсь общезыческія ожиданія „золотого вѣка Сатурна“. мечты „о спасеніи съ Востока“ и т. п. Вспомнимъ и IV-ю эклогу Виргилия объ имѣющемъ родиться младенцѣ, съ которымъ спойдетъ на землю миръ и счастье (Idem. См. у Tac. Hist V, 13; Sueton. Vita Vesp. c. 14 и др.).

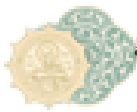

язычниками возвышеннаго и прекраснаго о Богѣ, мірѣ и человекѣ, то мысли послѣдняго типично-языческаго философа по основнымъ вопросамъ человѣческаго духа должны быть интересны для насъ по преимуществу. Въѣ эти мысли были не только „суммированіемъ“ всего „христіанскаго“, выработаннаго въ до-христіанскую эпоху, но и въ собственномъ смыслѣ „послѣднимъ“ словомъ язычества и вмѣстѣ нагляднымъ показателемъ тѣхъ предѣловъ, до какихъ могъ возвыситься, но которыхъ не могъ перешагнуть естественный человѣческій умъ, предоставленный въ дѣлѣ исканія истины и въ рѣшеніи вѣчныхъ вопросовъ человѣческаго духа самому себѣ. То не важно, что высокія идеи Сенеки встрѣчаются уже и у прежнихъ философовъ; важна та жизненная форма, въ какой предстали онѣ въ сочиненіяхъ Сенеки предъ развратнымъ языческимъ обществомъ, важна та цѣль нравственнаго улучшенія и возрожденія, съ какою высказывались онѣ и проводились имъ въ сочиненіяхъ, подкупаетъ то одушевленіе, которымъ онѣ проникнуты и которымъ всюду сопровождаются, Благодаря этимъ-то качествамъ своимъ высокія идеи предшествовавшей философіи у Сенеки и получаютъ особенную прелесть и интересъ, благодаря имъ же онѣ такъ часто напоминаютъ у него идеи христіанскія. Собрать всѣ эти высокія и чистыя идеи, разсѣяныя на страницахъ философскихъ сочиненій Сенеки, и изложить ихъ, по возможности, въ систематической формѣ, отдѣливъ основныя его воззрѣнія отъ случайныхъ и противорѣчивыхъ, хотя и не менѣе высокихъ— и значило для меня осуществить ближайшую задачу своего труда, задачу, притомъ, интересную не только саму по себѣ, но и важную въ цѣляхъ подтвержденія и болѣе точнаго и полнаго раскрытія общей мысли о существованіи „христіанскихъ“ идей до Христа и вмѣ Христа, какъ доказательствъ Премудраго Промысла Божія надъ отпадной половиной рода человѣческаго. Эта задача была бы, конечно, и единственной, если бы къ вопросу объ идейномъ отношеніи воззрѣній Сенеки

къ христіанству не присоединится вопросъ о фактическомъ знакомствѣ философа съ новозавѣтной религіей, тотъ именно вопросъ, который невольно и неизбежно возникаетъ при знакомствѣ съ обстоятельствами жизни моралиста. Хотя вопросъ этотъ для меня былъ не главнымъ, а только, такъ сказать, выводнымъ, но въ своемъ трудѣ я долженъ былъ разрѣшить его въ виду того, что отъ того или иного рѣшенія его зависѣла цѣнность и первой задачи. Вѣдь, если Сенека находился подъ вліяніемъ христіанства и его идеями вдохновлялся при писаніи своихъ сочиненій, то его воззрѣнія перестаютъ быть особенно цѣнными; какъ заимствованныя изъ того источника, съ точки зрѣнія идейнаго отношенія къ которому онѣ только и получаютъ смыслъ, служить доказательствомъ общей мысли о „христіанскихъ идеяхъ языческой философіи онѣ не могутъ. Значеніе этого доказательства идеи Сенеки могутъ получить въ томъ лишь случаѣ, если онѣ происхожденія не христіанскаго, а именно языческаго. Утвердить эту послѣднюю мысль, доказать зависимость воззрѣній Сенеки отъ идей прелестствующей философіи, а не отъ христіанства и служило моею второй задачей, съ первой стоящей въ тѣсной связи, обосновывающей ее и сообщающей ей смыслъ и цѣнность. При выполненіи этой второй задачи я, естественно, прежде всего долженъ былъ задать вопросъ, не сохранила ли исторія прямыхъ слѣдовъ и не даетъ ли она положительныхъ данныхъ, чтобы признать знакомство Сенеки съ христіанствомъ несомнѣннымъ. Изъ критическаго разсмотрѣнія основаній, приводимыхъ защитниками мысли объ этомъ знакомствѣ, для меня стало яснымъ, что прямыхъ и несомнѣнныхъ слѣдовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Даже самый важный историческій памятникъ, служившій раньше сильнѣйшимъ аргументомъ въ рукахъ защитниковъ мысли о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ, — разумію „Переписку Сенеки съ Ап. Павломъ“, — оказался при критическомъ освѣщеніи подложнымъ, явившимся не ранѣе IV-го

Труды Киевск. дух. Акад. Т. II 1906 г.

вѣка. Оказалось, такимъ образомъ, что важный для насъ вопросъ исторiи, въ сущности, обошла молчанiемъ. Но, вѣдь, для меня было ясно и то, что молчанiе о фактѣ есть еще ненадежное доказательство, что самаго факта не было. Нужны, слѣдовательно, другiя доказательства, которыя, конечно, могли быть получены только выводимымъ путемъ. Вѣдь почему, собственно, возникаетъ вопросъ о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ? Конечно, не потому только, что Сенека жилъ уже тогда, когда христіанство вступило въ міръ и вошло въ его жизнь, какъ новая возрождающая сила. Это совпаденіе хронологическихъ датъ является для защитниковъ мысли о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ только общимъ фономъ, на которомъ рисуется ими своя теорiя. Главными же основами, на которыхъ строится эта теорiя и покоится самый вопросъ, служатъ, собственно, двѣ мысли, изъ которыхъ первая та, что у Сенеки очень много идей, сходныхъ съ христіанскими, а вторая та, что такъ близко соприкасаться съ христіанствомъ могъ только тотъ, кто былъ знакомъ съ христіанствомъ и изучилъ его. Мнѣ предстояло, такимъ образомъ, рассмотреть объ эти мысли. По отношенію къ первой и задать вопросъ: есть-ли у Сенеки въ собственномъ смыслѣ „христіанскія“ идеи и такъ-ли на самомъ дѣлѣ велико сходство его воззрѣній съ христіанскими, какъ это предполагается и какъ, дѣйствительно, кажется сразу? Достаточно было сравнить воззрѣнія Сенеки съ христіанскими по ихъ основнымъ принципамъ, дабы убѣдиться, что сходство воззрѣній Сенеки съ христіанскими—только вѣдшее, въ принципахъ же они діаметрально противоположны. Но если ни исторiя ничего не говоритъ о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ, ни въ его воззрѣніяхъ дѣйствительныхъ слѣдовъ этого знакомства не оказывается и положительныхъ элементовъ христіанства не замѣчается, то самый вопросъ о знакомствѣ или незнакомствѣ римскаго моралиста съ богооткровеннымъ ученiемъ становится излишнимъ; здѣсь мѣсто

вопросу только объ идейномъ отношеніи высокихъ возврѣній язычника къ новозавѣтной религіи, а не о фактическомъ. Возможно-ли допустить это идейное отношеніе, возможно-ли предположить, чтобы язычники, не зная богооткровенной религіи, приближались къ христіанству и высказывали мысли, сходныя съ его идеями? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ у меня явилась краткая справка о томъ, какъ рѣшался этотъ вопросъ древними представителями Церкви, а доказательствомъ справедливости мнѣнія тѣхъ, кто признавалъ язычниковъ способными возвышаться до христіанскихъ идей, у меня служилъ краткій обзоръ этихъ возвышенныхъ идей дохристіанской философіи. Этимъ обзоромъ я достигалъ двоякихъ цѣлей: съ одной стороны, онъ далъ освященные доказательства религиозно-правственной мощи человѣческаго духа, который самостоятельно, безъ непосредственнаго воздѣйствія Божества, могъ выработать столько идей, сродныхъ съ христіанскими, а съ другой—онъ же мнѣ указалъ и прямой источникъ, несомнѣннаго знакомства съ которымъ вполне достаточно для объясненія всѣхъ тѣхъ возвышенныхъ и чистыхъ идей, присутствіе коихъ у Сенеки заставляетъ первоначально предполагать знакомство его съ христіанствомъ. Такимъ путемъ я и пришелъ къ окончательному выводу, что по отношенію къ религиозно-нравственнымъ возврѣніямъ Сенеки возможенъ вопросъ только объ идейномъ отношеніи ихъ къ христіанству, а не о фактическомъ. Этимъ же самымъ выводомъ я включилъ подлежавшій моему изслѣдованію предметъ въ сферу общаго вопроса объ отношеніи язычества ко Христу и возвышенной имъ религіи, отношеніе котораго къ своему предмету я и старался выяснитъ въ настоящей рѣчи.

В. Фаминскій.